

Глава 5

Мы с Сашкой договорились: когда он мне задаёт вопрос, а я на него отвечаю «да», то я говорю: «Ав!», если ответ мой отрицательный, то я отвечаю: «У-у!». Молодец Саня! Несмотря на то, что ему всего лишь тринадцать лет, он очень сообразительный парень. Да, я не оговорился. Какой он мальчик? Видели бы вы его. Бабулька ему по плечо. Как-то и неудобно уже мальчиком называть. Настоящий парень. И что мне нравится, такой умный. Правда, слишком шустрый. Работы у меня, по правде говоря, прибавилось. В этом смысле с Иваном Савельевичем было попроще. Он был тихоходом. Идёт себе, песенку напевает. У него была любимая песня про танкистов. Честное слово, мог весь вечер одну песню петь. Как затянет «три танкиста, три весёлых друга — экипаж машины боевой». Иногда так надоест своей песней, что я даже вынужден был его приостанавливать. Слушаю, слушаю, слушаю, потом тихонько говорю: «Ав-ав!». Иван Савельевич, как и я, сразу же реагирует на любой возглас. Ничего удивительного в этом нет. Мы же с ним одно целое. Как у людей говорится? Не разлей вода. Вот так и мы. Скажет что-нибудь Иван Савельевич, я тут же: «Слушаю тебя, мой друг!». Ежели я что авкну, Иван Савельевич тоже спрашивает у меня: «Что, Трисон, случилось?»

А ничего не случилось. Песня твоя просто надоела. Хоть бы сменил пластинку. Спел бы, к примеру, о берёзе (иногда поёт, но редко) или «Катюшу», на крайний случай, мог бы и про белых медведей спеть, которые трутся о земную ось. Старик рассказывал, что эта песня из картины... Кстати, он почему-то кино называл всегда картиной. Не фильмом, не кино, а именно картиной. Так вот, иногда он пел песню из картины «Кавказская пленница». «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся об ось медведи, о земную о-о-о-сь...» Ну, и так далее. Замечательная песня. Но пел он её редко. В основном заливался своими танкистами. Я раньше

думал, что это он заладил, танкисты да танкисты. Всё-таки очень сложно нам, собакам, когда не можешь спросить. Иногда так бы взял и спросил прямо. Но он, почуяв моё любопытство, сам рассказал мне как-то на прогулке. Что оказалось? Он в армии служил танкистом. И, между прочим, не просто танкистом, он был командиром танка. Вот так-то! После его рассказа об армии я стал более терпимо относиться к его любимой песне. Думаю, пусть вспоминает молодость, своих друзей, всё старику будет полегче.

Мне вот интересно: если бы в школе нас учили разговаривать, смог бы я хотя бы с десяток слов выучить? Мне больше и не надо. Я бы и с десятью словами прекрасно управлялся. А зачем мне больше? Долго думал на эту тему и пришёл к выводу. Было бы просто замечательно, если бы нас в школе научили произносить вот такие слова.

1. Гулять
2. Стой
3. Иди
4. Надоело
5. Помогите
6. Еда
7. Холодно
8. Жарко
9. Спать
10. Простите

Мне кажется, даже любой человек этими словами может обойтись. Ну, допустим, за человека ручаться не стану, но мне бы хватило за глаза. Не знаю, почему инструкторы никак не додумаются учить нас хотя бы вот этим словам. Я же много не прошу. Но никто нас не учит. И даже не пытаются. Вы попробуйте, вдруг получится. Я и сам уже пытался, но не получается. И губы сверну в трубочку, и язык чуть ли на узел не завяжу, клацаю зубами, ничего не

выходит. Хочу сказать слово, а получается или «Ав», или «У-у». Всё. Чертовщина какая-то. Верите, так обидно.

У Савельевича одно время жил попугай. Он его приобрёл ещё до меня. Когда я перебрался жить к старику в квартиру, перво-наперво меня поразило то, что этот убогий микро-орёл знал, наверное, с сотню человеческих слов. Он мог безостановочно болтать полчаса подряд. Я серьёзно вам говорю. И такие знал слова, что я их отродясь даже в своём питомнике не слышал. Помню, в первый же день этот проходимец (имя у него препротивное было — Керя) сразил меня наповал. Приходим с Иваном Савельевичем с прогулки, а этот карлик заявляет: «Керя кушать хочет!» Ничего себе думаю, ну и дела. А каков наглец! Если ему в клетку горсть зерна не забросишь, так и будет трещать, пока со своего насеста не свалится: «Керя кушать хочет! Керя кушать хочет! Керя кушать хочет!» Право слово, попугай.

Однажды вечером мы смотрели телевизор, вернее я смотрел, а Савельевич слушал. Но Савельевич всегда говорил мне: пошли, Трисон, телевизор посмотрим, то есть во множественном числе. Сидим спокойно, слушаем-смотрим, эта придурковатая птица, как раскудахталась, как начала нам свои трели выводить, мы со стариком чуть с ума не сошли. Тут самое интересное началось, а этот соловей-разбойник кудахчет и кудахчет. Иван Савельевич не выдержал, взял и укрыл клетку полотенцем. Подействовало. Видимо, испугался Керюха. Подумал, наверное, сначала тёмную устроили, а дальше может быть и хуже. Перестал гад кукарекать.

Но я всё равно его не любил. Потому что, даже когда попугай молчит, проблем от него не убавляется. Это не птица, а какая-то свинья. Всё вокруг в шелухе, в перьях. Как затрепещет своими крыльями, квартира в один миг превращается в курятник. К Ивану Савельевичу два-три раза в неделю приходила старушка, Марья Петровна, готовила поесть, стирала, убиралась по дому. Так вот она

тоже его ругала. Говорит: Керя, как тебе не стыдно. Ну что же ты снова наделал? А ему хоть бы хны. Он своё: «Попка дурак» Попка дурак!» Я так понимаю, это он про себя так говорил. Кстати, денег Марья Петровна за свою работу никогда не брала. Иван Савельевич даже обижался. Говорит ей как-то:

— Марья Петровна, дорогая, ну, ради Христа прошу тебя, не ставь меня в неловкое положение, хоть немного возьми денег. Купи себе подарок, что ли. Ну что ж ты работаешь, работаешь, и всё бесплатно.

А старушка смеётся и отвечает:

— На том свете, Ваня, сочтёмся.

— Да стыдно же, Мариша, — говорит старик. — Пойми меня правильно.

— А ты не стыдись, — продолжает Марья Петровна, — я это не для тебя делаю, а для себя.

Неловко мне сознаваться, но я, грешным делом, после её слов стал к ней более внимательно приглядываться. Как это «для себя»? Думаю, может стащить чего хочет? Ходит, принохивается. Нам ещё в школе объясняли, что слепых часто обворовывают. То бишь делают вид, что помогают, а сами то награды украдут, то пенсию подчистят, то картину со стены снимут, то книгу редкую упрут. Наверное, думают, зачем слепому картины, книги? Так что мы за подозрительными людьми тоже должны следить.

Но со временем я понял, что Марья Петровна не из тех людей, кто может обидеть несчастного человека. По телевизору шла передача, и я узнал, что на свете есть такие люди, которые помогают инвалидам совершенно бескорыстно. Они это делают не ради денег, не для больного, и даже не для себя вовсе, они, оказывается, богу помогают. Да-да, так и говорят: хочешь помочь богу, помоги несчастному, больному, обездоленному. Вот какие люди есть! Если бы меня научили в школе, сказал бы я Марье Петровне слово № 10, «прости». Прости меня, милая

старушка, что мне в мою собачью голову пришла такая дурацкая мысль.

Так Марья Петровна до самой смерти Ивана Савельевича к нам и проходила. А на праздники или дни рождения они пропускали по стопочке, а то и по две. Потом сядут, обнимутся и поют весь вечер. Марья Петровна такие песни задушевные пела, любо-дорого было послушать, не то, что эти танкисты. Особенно мне нравилась «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет!» Попоют-попоют, потом сидят вместе плачут. Наверное, чувствовал Иван Савельевич, что скоро умрёт. Он мне так и говорил: «Скоро, Трисон, ты отдохнёшь от меня, мой час приближается». Чудак-человек, да я и не уставал никогда от него. Знал бы ты, Савельевич, как я первое время тосковал по тебе, не говорил бы таких глупостей